

ЛИНГВИСТИКА

УДК 81'1

К ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЯЗЫКОВОЙ СИТУАЦИИ НА ПОЛОТЧИНЕ

*канд. филол. наук, доц. М.Д. ПУТРОВА
(Полоцкий государственный университет)*

Описывается ситуация главным образом в городском пространстве Полотчины, основываясь на данных о языковой самоидентификации значительного количества жителей данного региона. Уточняются языки и диалекты, используемые в важнейших домейнах жизнедеятельности коммуникантов Полотчины. Устанавливаются определенные предпочтения в выборе языка с учетом гендерной и этнической принадлежности личности. Предпринимается попытка интерпретации особенностей сложившейся ситуации с помощью известной теории диглоссии, показана специфика сосуществования языков в Полоцком регионе.

Введение. Выполненный нами анализ языковой ситуации на Полотчине является частью более обширного сопоставительного исследования гендерного аспекта коммуникативного поведения в четырех культурах, в котором белорусская составляющая презентирована главным образом записями фрагментов коммуникативного поведения, собранными в городской части Полотчины. Данная составляющая представлена двумя массивами записей: на белорусском языке и трасянке, каждый из которых в количественном отношении сопоставим с массивами на других языках – русском, американском и британском английском.

Изучение реального коммуникативного поведения неизбежно ставит вопрос о языковой ситуации в том регионе, где происходит запись материала. Теоретически понятны и кажутся простыми действия лингвистов, поставивших своей целью изучение подлинного говорения. Но в действительности, т.е. в реальном исследовательском процессе, все оказывается не столь очевидным и простым для осуществления. Начиная изучение конкретных коммуникативных событий (подбирая материал для анализа), исследователь неожиданно встает перед проблемой идентификации языка, используемого в качестве средства общения конкретными коммуникантами, что невозможно без весьма глубокого проникновения в языковую ситуацию региона их проживания. Общий вопрос «Что такое язык?» оказывается существенно отличающимся от, казалось бы, простой практической проблемы о том, что представляет собой тот язык, на котором говорят испытуемые в конкретном аутентичном акте коммуникативного поведения. То есть «Что такое язык?» вообще не тождествен вопросу о конкретном языке определенного речевого акта. Когда мы хотим узнать что-то о языке непосредственно данного испытуемого, какой бы ни была наша цель, мы пытаемся проникнуть в нечто совершенно конкретное и всегда социальное по своей сущности. Безусловно, ответ на теоретические общие вопросы о сущности языка имплицитно подразумевает, что язык представляет собой социальный феномен. Практически любое определение языка в конечном итоге, так или иначе, подразумевает его социальный статус, например: «Язык есть деятельность и форма поведения» [1, с. 15], «Язык – это система знаков, используемая для передачи информации» [2, с. 68]. Или даже: «Язык – это определенное множество весьма специфических универсальных принципов, являющихся неотъемлемым свойством человеческого сознания и частью того генетического наследия, которое мы приобретаем в дар от предыдущих поколений» [3, с. 15]. Последнее утверждение представляет собой часть широко известного определения Н. Хомского сущности языка. На первый взгляд, оно полностью психологично, однако социальные инференции в нем имплицитно легко прослеживаются. Когда же мы стоим перед необходимостью анализа какого-то конкретного фрагмента аутентичного общения или отбора материала для изучения, то социальный аспект языка перестает быть результатом инференций, чем-то имплицитно присутствующим; он становится первой проблемой, с которой приходится сталкиваться исследователю.

Основная часть. Любой фрагмент аутентичного поведения всегда совершается на определенном диалекте какого-то языка, причем в той его реализации, которая свойственна говорению конкретного индивида. Иными словами, всякий раз, когда мы записываем аутентичное вербальное поведение, мы фиксируем определенный вариант какого-то языка. И первой неотложной задачей, которую приходится решать исследователю, является уяснение социальной типологии данного языка, в том числе изучение особенностей языковой ситуации на той территории, где происходит запись экспериментального материала, т.е. осуществляется фиксация актов коммуникативного поведения.

В соответствии с требованиями социолингвистики прежде всего следует уяснить понятие социального пространства [4, с. 18, 19]. Последнее предполагает учет географической дистрибуции коммуникантов. Ведь в конечном счете место проживания говорящего субъекта способно в значительной мере определить его членство в социальной группе. Так, «городской» и «сельский» являются важными социальными измерениями сами по себе. Безусловно, существует ряд других измерений социального про-

странства, которые могут повлечь за собой особенности в реализации лингвистических вариантов, например, такие факторы, как возраст, пол, этничность, доход, образование, культура. Каждый из них в отдельности помещает коммуникантов в несколько иную систему отношений с переменными характеристиками языка [5, с. 123]. Мы полагаем, что, начиная изучение любого из перечисленных факторов, целесообразно уяснить общую языковую ситуацию на территории, где живут и общаются участвующие в эксперименте носители языка, информанты, аудиторы и разного рода консультанты, т.е. осуществить описание географического и социального пространства, являющегося их средой обитания.

Тремя важнейшими составляющими пространства Полотчины являются следующие: молодой промышленный город Новополоцк, производящий чуть меньше 20 % национального дохода страны; древний Полоцк – когда-то столица Беларуси, поныне остающийся одним из ее культурных и духовных центров; сельская территория.

В настоящем исследовании в основном рассматривается только та часть данного пространства, которая конституируется городскими его составляющими – молодым Новополоцком и древним Полоцком. Население этих городов приблизительно одинаково и составляет 100 000 и 150 000 человек соответственно. Но Новополоцк в значительной степени многонациональнее, чем Полоцк. Кроме того, аутентично русское население составляет в демографической структуре Новополоцка существенно большую часть (около 25 %). Показательно также, что русская часть жителей Новополоцка в подавляющем большинстве является выходцами из крупных промышленных центров, имеющими соответствующее профессиональное образование, которые в начале сооружения крупнейшего в мире нефтехимического комплекса приехали на постоянное проживание в Новополоцк. Их язык представляет собой преимущественно язык профессионально образованных людей крупных промышленных городов. Важным представляется и то, что многие из них являются жителями городов во втором и более поколениях (до 65 %).

Значительная часть русских города Полоцка являются выходцами из прилегающих к Полотчине сельских или небольших населенных пунктов городского типа Псковщины, Смоленщины, Брянщины, причем весьма существенная их часть приехала в город задолго до строительства нефтегиганта и вполне ассимилировалась в культурном пространстве Полотчины. Кроме того, они составляют несколько меньший процент от общей численности населения Полоцка.

Рассмотрение языковой ситуации в Полоцком регионе в соответствии с традициями изучения языковых реалий в Беларуси предполагает прежде всего рассмотрение отношений, сложившихся между двумя языками – русским и белорусским. Названные языки являются официально признанными государственными языками Республики Беларусь. Данное обстоятельство позволяет предположить ситуацию приблизительно равноправного двуязычия (билингвизма) в общении на Полотчине. Реальное же положение иное. Для адекватного описания языковой ситуации на Полотчине целесообразно привлечение понятия «крайне асимметричного билингвизма». Все жители Полоцкого региона понимают русский язык. Они в состоянии читать на нем соответствующую их уровню образования литературу. Кроме того, почти все они говорят на сравнительно хорошем русском языке независимо от их этнического происхождения и (за незначительным исключением) могут использовать его в качестве единственного средства общения практически во всех домейнах своего существования.

В отношении белорусского языка сложилась совершенно иная ситуация, хотя именно белорусский соотносится с этнической принадлежностью большинства населения Полотчины, в том числе и городской ее части. Казалось бы, что число истинных билингвов среди горожан Полотчины легко установить, пользуясь информацией официального опроса. Ведь перепись 1999 года включала в перечень своих пунктов и вопрос о национальном языке. В соответствии с полученными данными 53,2 % населения Полотчины считают своим родным языком белорусский, в том числе 70,6 % этнических белорусов, заявивших, что именно белорусский является их родным языком.

Проведенное нами исследование дало совершенно другие результаты. Следует отметить, однако, что наши вопросы существенно отличались от прямых вопросов официальной переписи и изначально были нацелены не на установление родного языка коммуникантов в целях его специального изучения и даже не на описание языковой ситуации в регионе, а на получение более обширной информации о наших респондентах, а значит и о тех, фрагменты аутентичного коммуникативного поведения которых были отобраны для дальнейшего рассмотрения, а также о тех, кто привлекался к разнообразным перцептивным, ассоциативным и другим экспериментам в ходе нашего анализа. Предложенный нами опросный лист включал, кроме пунктов о возрасте, образовании, поле, национальности, следующие вопросы:

1. На каком языке Вы разговариваете:
 - А. На работе?
 - Б. Дома?
 - В. В других ситуациях (укажите, по возможности, в каких)?
2. На каком языке вы читаете:
 - А. Для удовлетворения профессиональных интересов?
 - Б. Для удовольствия?

Очевидно, что такой способ получения информации предполагал, прежде всего, самооценку со стороны многочисленных участников эксперимента и оставлял открытыми многие острые вопросы о

том, что следует считать русским языком, когда на нем разговаривают белорусы, а что интерпретировать как белорусский, в отличие от так называемой «трасянки», т.е. от того варианта криолизированного языка, который сформировался у значительной части белорусов, особенно сельских жителей, когда они стремились говорить по-русски. Наши данные, таким образом, могут только свидетельствовать о том, что сами коммуниканты думают по поводу языка, используемого ими в важнейших жизненных ситуациях, т.е. о том, как они осознают и интерпретируют свою языковую идентичность.

Анализ полученной информации показал, что нам удалось собрать весьма ценные данные о языковой самоидентификации репрезентативного количества говорящих субъектов. А расхождения между этнической принадлежностью коммуникантов и их ответами на вопрос о языке домашнего или делового общения представляются весьма ценной информацией о характере билингвизма в регионе и о том языковом сдвиге, который пережили предшествующие поколения коммуникантов на определенном этапе развития своего этноса. Кроме того, полученные ответы в значительной мере позволили получить данные об истинной пропорции билингвизма, особенно в городской части Полоцкого региона. В соответствии с этими данными на Полотчине билингвизм концентрируется главным образом только среди определенной части белорусов, евреев, поляков и представителей других этнических групп, хотя зарегистрированы и достаточно неожиданные исключения.

Важнейшим понятием, необходимым для обсуждения языковой ситуации в любом мультиязыковом регионе, является понятие домейна. Домейн (*domain*) – это такая группировка повторяющихся типов ситуаций, при которой востребованным обычно оказывается только один из всего перечня возможных и находящихся в оппозиции друг к другу в данном регионе языков [4, с. 61; 6, с. 118]. А члены языкового сообщества, как правило, считают нормой использование какого-то одного языка именно в данном домейне [4, с. 62]. Примерами таких домейнов, или сфер использования, могут быть образование, дом, общение с соседями и друзьями, религиозные практики, официальная и политическая жизнь, занятость, экономика, искусство и т.п. Так, изучая языковую ситуацию в тех общинах Онтарио, в которых французский язык полностью утратил свои позиции, лингвисты обнаружили существенные ограничения в его использовании в подавляющем большинстве важнейших домейнов [4, с. 62; 7, с. 180]. Данные ограничения привели к тому, что французский язык (язык меньшинства в Онтарио) оказался значительно менее употребляемым, а коммуникативное поведение на данном языке реализуемым в минимальном количестве социальных контекстов. При этом использование языка большинства только в быту, в семейном домейне считается самым верным показателем происходящего языкового сдвига, т.е. вытеснения одного языка другим [4, с. 63]. Вместе с тем именно тот язык, который используется в быту, отражает наиболее глубинные и характерные особенности мировидения человека, его самую сокровенную суть.

Круг домейнов, в которых используется тот или иной язык, а не только их общее количество, также является весьма важным показателем. Он свидетельствует о месте или позиции языка на так называемом языковом рынке. Язык – это разновидность культурного или социального капитала. Он имеет экономическую стоимость [5, с. 63]. Необходимость владения языком, имеющим самую высокую рыночную стоимость, порождает билингвизм среди тех, у кого родным является какой-нибудь другой язык. Родители вынуждены побуждать своих детей овладевать экономически наиболее полезным языком.

Языковой рынок в СССР и на значительной части постсоветской территории очевидным образом придавал и продолжает придавать первостепенное значение русскому языку, экономически наиболее эффективному в данном регионе, что привело к обширнейшему асимметрическому билингвизму не только в Полоцком регионе и Беларуси в целом, но и в других республиках. Результатом такой асимметрии явилось в той или иной мере выраженное предпочтение русскому у других, нерусских, групп населения. Данное предпочтение в городах Полотчины максимально. Белорусского языка как средства сколько-нибудь массового общения зарегистрировать здесь не удалось. Обычно наблюдатель может услышать только некоторые остатки данного языка в форме разнообразных диалектов, достаточно дерогативное отношение к которым представлено в их общем названии «трасянка», вводимом в обиход некоторой частью общественных и политических деятелей, а также, за неимением другого наименования, филологами и лингвистами. Исследователю непросто найти действительно владеющего хорошим белорусским языком коммуниканта, особенно такого, который бы использовал данный язык в повседневном общении. Весьма сложно обнаружить даже таких коммуникантов, которые, не прибегая регулярно к белорусскому в качестве средства общения, тем не менее, в случае необходимости могли бы говорить на хорошем белорусском языке. Услышать говорящими на белорусском языке те 53,24 % от общего числа населения, которые, в соответствии с официальными данными, считают родным белорусский язык, совершенно не представляется возможным.

Под воздействием политических процессов до перестройки в Беларуси сложилась определенная модель языкового существования, в соответствии с которой белорусский язык был фактически исключен из важнейших домейнов его функционирования: образования, экономики, религии, здравоохранения, общественной и политической жизни. Белорусский язык как предмет был единственным фрагментом домейна «образование», который оставался для его функционирования. В результате подрастающее поколение стало испытывать дефицит в полноценном восприятии языка, т.е. в исчерпывающей о нем информации, необходимой для усвоения лексико-грамматической системы родного языка во всей ее полно-

те. Более того, в создавшейся ситуации они имели весьма ограниченную возможность контактировать со всей палитрой белорусских говоров и диалектов. В результате они, в лучшем случае, стали так называемыми полуносителями родного языка (термин Н. Дориан) [8, с. 421], зачастую подвергаясь насмешкам по поводу ущербного или частичного знания данного языка. Но урезанное или ограниченное восприятие функционирования языка в значительной мере представляет собой креолизацию наоборот, оно ведет к упрощению и обеднению грамматики и словаря, а также к определенному искажению фонетической системы, особенно ее звукового строя [9, с. 192]. Неудивительно поэтому, что только 5 информантов из 1200 участников нашего эксперимента в Новополоцке утверждали, что используют белорусский язык как на работе, так и дома. Ситуация в Полоцке оказалась не намного отличающейся – мы обнаружили только 7 среди 1200 информантов, прибегающих к белорусскому языку во всех домейнах своего существования. Заслуживающей внимания подробностью является далеко не безупречная белорусская речь некоторых установленных в ходе нашего анкетирования белорусских монолингвов (2-х человек). Весьма интригующей является также гендерная принадлежность коммуникантов, избравших белорусский, по образному выражению Хайдеггера, домом своего обитания: все они мужчины как в Полоцке, так и в Новополоцке. Очень показательно, что наши данные весьма соотносятся с результатами другого исследования, отличающегося по методам, но имевшего ту же цель [10]. Если теперь посмотреть, какой язык используется городскими жителями Полотчины в сфере занятости, то откроются весьма интересные подробности реального употребления белорусского языка как средства общения.

Языковая ситуация в сфере занятости в городах Полотчины

Используемый язык	Новополоцк		Полоцк	
	мужчины	женщины	мужчины	женщины
Главным образом русский	94	104	70	93
Главным образом белорусский	14	2	11	1
Оба языка	58	107	59	119
Только русский	429	387	453	387
Только белорусский	5	–	7	–

Прежде всего, в соответствии с данными языковой самоидентификации группа тех, кто пользуется на работе, главным образом, белорусским языком, также состоит в основном из мужчин. Картина значительно меняется, если обратить внимание на цифры, показывающие количество тех, кто склонен к использованию обоих языков. В этой группе женщин в 2 раза больше. Что частично объясняется характером выполняемых ими работ. Респонденты-женщины чаще всего работали в сфере образования, здравоохранения, культуры, искусства, торговли, где общение на двух языках бывает более предпочтительны. Гендерные особенности языковой личности, однако, также нельзя исключить полностью. Они в соответствии с гендерной спецификой структуры личности также могут способствовать модели общения, требующей билингвистических умений.

Целесообразно еще раз отметить, что все данные в приведенной таблице отражают собственное представление информантов о том, на каком языке, где и когда они разговаривают. Поэтому то, что они считают русским или белорусским языком, в действительности может не быть таковым. С большой долей вероятности можно утверждать, что в значительном количестве случаев истинным языком их общения является некий вариант или диалект одного из данных языков. Если теперь обратиться к тому, что происходит дома, в семье, то окажется, что и здесь установленная склонность использования обоих языков свойственна больше женщинам. Кроме того, обнаруживается еще одна важная деталь, свойственная языку коммуникативного поведения в домашнем домейне небольшого процента городской части Полотчины – в домашней обстановке языком общения может быть не русский и не белорусский. Так, 115 коммуникантов-мужчин и 62 женщины назвали свой язык домашнего общения по-разному, а именно: полоцкий, местный, даже «наш язык», диалект, семейный, народный, простой, «матчина мова», домашний, свойский и т.п. Данное осознание у многих горожан-белорусов несоответствия их языка домашнего общения существующим стандартам представляется весьма важным. На наш взгляд, описание языковой ситуации на Полотчине без этого, достаточно мистического языка, не имеющего даже определенного устоявшегося названия, представляется неполным. Если теперь обратиться к ответам русских респондентов, то окажется, что в городах Полотчины этнические русские пользуются исключительно только русским языком во всех домейнах своей жизнедеятельности как в письменной, так и устной его формах, в разговоре и чтении. Вместе с тем обнаруживается и минимальный процент русских (1,5 %), которые читают на обоих языках. В нашем опросе их было всего 17, при этом 12 из них оказались женщинами.

Анализ круга чтения белорусских информантов также позволил получить весьма интересные данные. Белорусские варианты фемининности в городском пространстве Полотчины хорошо соотносятся с так называемым чтением для удовольствия, для удовлетворения неких собственных внутренних потребностей, хотя женщины-профессионалы, безусловно, читают также и специальную литературу. Мужская часть информантов занимается чтением в меньшей степени, судя по количеству анкет с пропуском в графе о чтении. Кроме того, данная группа информантов более склонна ограничить язык чтения, выбирая

только русский (почти всегда) или только белорусский. Фемининность в контексте Полотчицы в значительно большей степени требует оба языка для осуществления данного вида деятельности. Так, мы не зарегистрировали ни одной белоруски, ограничивающей свой круг чтения литературой на белорусском языке, в то время как обнаружилось трое информантов-мужчин, объявивших о своем выборе текстов только на белорусском языке в случае чтения для удовольствия.

Уместным представляется заметить, что языковая ситуация в Новополоцке специально изучалась в одном из серьезных исследований, которое базировалось не на субъективной рефлексии информантов о языке их коммуникативного поведения, а на непосредственном анализе фрагментов их говорения [10, с. 8]. Наши же данные, как уже отмечалось, полностью субъективного характера, однако они весьма сходны с теми, которые были получены в специальном лингвистическом исследовании, хотя и не полностью идентичны с ними. Так, в обоих анализах установлено, что мужчин, ограничивающих свое общение одним языком, больше и что женщины чаще используют оба языка. Существенное различие между результатами данных двух исследований состоит в количестве респондентов, говорящих по-русски, что можно объяснить появлением некого нового (не русского и не белорусского) языка в ответных листах информантов в нашем эксперименте, когда они пытались идентифицировать язык своего общения в быту, т.е. в так называемом домашнем домейнне. Заметная часть информантов-белорусов (116 мужчин и 62 женщины) отметили, что дома общаются на особом языке, неком диалекте, который они обозначили как:

1) наш язык	4) местный (<i>тутэйшы</i>)	7) общий язык	10) белорусский русский
2) свойский (<i>свой</i>)	5) матчына мова	8) вясковы	11) народный
3) простой (<i>или по-простому</i>)	6) семейный	9) полоцкий	12) домашний (<i>хатний</i>).

Всего мы получили 20 наименований данного языка (если считать *местный* и *тутэйшы* и т.п. по сущности одним наименованием). Выше представлены только те, которые встречались хотя бы два раза в ответных листах наших информантов. При этом наиболее употребительными оказались первые пять наименований. Кроме представленных, зарегистрирован еще целый ряд наименований, встретившихся только в одной анкете, а именно: *обыденный язык, як прыдзецца, безназоўны, диалект бытавой, городской, смешанный, даўнейшы*. Примечательно, что все данные названия зарегистрированы исключительно в мужских анкетах. Женские анкеты ограничиваются, в основном, тремя названиями: *свой, домашний, матчына мова*. В числе редко встречающихся в них приводятся все другие из 12-ти основных наименований, кроме *полоцкий*. Сведения об употребительности данного «нового» языка в других домейнах или ситуациях фрагментарны, так как не все наши информанты указали язык своего общения в других сферах, кроме дома и занятости.

Постижение значимости зарегистрированных вариантов, уяснение их роли в структурации языковой личности на Полотчине будет более глубокой, если интерпретацию языковой ситуации в регионе осуществить в терминах Фергюсоновской диглоссии [11]. Последнюю можно представить в виде определенной суперстандартизации [4, с. 75]. Диглоссия представляет собой относительно стабильную языковую ситуацию, при которой в дополнение к главному диалекту, т.е. к определенному языку (таким языком может быть национальный или региональный стандарт) существует еще и весьма отличающийся от него, тщательно кодифицированный и часто грамматически более сложный, настоятельно предлагаемый властными структурами, т.е. сверху (*superimposed*) вариант. Данный вариант является носителем большого и почитаемого массива литературы (письменной) более раннего периода или принадлежащей другому языковому сообществу, которая изучается, главным образом, с помощью системы образования в данном обществе и используется преимущественно для письменного или официального устного общения, но никогда не выступает средством обычного повседневного коммуникативного поведения в каком бы то ни было секторе данного языкового сообщества [11, с. 329].

На наш взгляд, привлечение теории Фергюсона способствует более гибкому постижению ситуации, сложившейся в настоящее время на Полотчине, как и во всей Беларуси. Фергюсон подробно описывает четыре определяющие ситуации – модели, при которых феномен диглоссии может развиваться и усиливаться. В каждом случае он называет предлагаемый сверху вариант высоким языком (В), а реально используемый обществом разговорный вариант – низким (Н). Диглоссия, согласно Фергюсону, является результатом взаимодействия целого ряда важнейших факторов. На ее характер существенное влияние оказывает лингвистическая природа В и Н вариантов, их предпочтительное использование в данном сообществе, отличающийся престиж во всем объеме коммуникативных актов данного общества, разные пути усвоения. Перечисленные факторы не только существуют в своем взаимодействии и вызывают к жизни явление диглоссии, но и поддерживают в дальнейшем ее (диглоссии) существование в качестве стабильной мультиязыковой системы. Хорошим примером такого взаимодействия является детально проанализированная Фергюсоном ситуация в арабском мире [12]. На арабском языке в нем разговаривают многие народы, проживающие на огромной территории от Персидского залива до Марокко. Данный язык существует во многих своих вариантах. Вариант В, т.е. высоким, в терминах Фергюсона, является классический арабский, который существует более полутора тысячелетий в письменной форме в литературе, включающей огромное количество текстов, начиная от доисламской поэзии и кончая современными инженерно-научными техническими текстами. Вариант Н (низкий) – это разговорный арабский.

Последний, фактически, представляет собой общее название, используемое для многих письменных вариантов данного языка. На огромной территории арабского мира существует множество его региональных диалектов. Некоторые из них стали региональными стандартами. Например, язык Каира, Бейрута – Дамаска – Иерусалима, Багдада и северных городов Марокко. Названные стандарты подобны неким островам в огромном мире арабского диалектного континуума. Или, в терминах Фергюсона, между В и Н или классическим и реальным разговорным языком общения имеется масса промежуточных вариантов – оттенков так называемого «среднего» или «промежуточного» языка [12, с. 114].

Каким образом языковая ситуация в Полоцком регионе напоминает ту, которая сложилась в арабском мире? Или любую другую из трех сообществ, описанных Фергюсоном, т.е. ситуацию в Швейцарии, Ганти или Греции? В соответствии с представленными нами данными, в настоящее время на Полотчине имеется не один (как в арабском мире, интерпретируемом с помощью объяснительной модели Фергюсона), а два поддерживаемых государственной политикой языка – стандартный русский и стандартный белорусский. Данные языки формально обладают одинаковым политическим статусом, но весьма отличаются по той роли, которую они в действительности играют в обществе. Кроме того, один из них, а именно белорусский, является значительно менее исследованным и, соответственно, описанным. Но оба они, т.е. и русский, и белорусский являются носителями массива высококачественной письменной литературы, которая в случае с высоким русским (ВР) намного больше по объему и преподается, и закрепляется всей системой образования, а также политической, общественной, религиозной и экономической жизнью страны. Кроме того, имеется огромная индустрия средств массовой коммуникации, кинематограф, которые, за малым исключением, реализуются на русском языке. Сказанное в значительной мере верно о главном средстве массовой информации – телевидении. Более того, в регионе (особенно в Новополоцке) имеется существенное количество аутентичных носителей русского языка с высшим образованием, причем выходцев из города, которые по разным причинам в свое время решили обосноваться на Полотчине на постоянное место жительства. Поэтому ВР (высокий русский) в Полоцком регионе вовсе не тот привлекательный книжный вариант, который описывает Фергюсон и который объединяет коммуникантов, говорящих на других диалектах и говорах, играя роль некого культурного протоязыка. Русский на Полотчине является полноценно функционирующим языком, на котором осуществляется общение подавляющей части городского населения региона, хотя, конечно, в говорении у значительной части общающихся на русском языке белорусов имеются определенные отклонения от кодифицированной нормы.

Положение ВБ (высокого белорусского) совершенно иное. Прежде всего, он не в такой степени описан как русский В, и достаточно обширная письменная литература на данном языке далеко не так хорошо известна, и поэтому не так почитается населением региона, как литература на ВР. Имеется множество примеров лучших умов и вообще известных представителей региона (и страны), использующих исключительно русский язык, во всяком случае, в публичной сфере, в домейнах общественной жизни и занятости. Но самое кардинальное отличие состоит в том, что ВБ не является языком образования и не поддерживается нормами коммуникативного поведения в публичной сфере. Единственная поддержка осуществляется через белорусский как один из предметов в общеобразовательной школе и несколько любимых и популярных радиопередач. Не следует преуменьшать значение данной поддержки. Все зарегистрированные нами случаи того или иного использования белорусского языка в жизни аутентичной русской части населения Полотчины, по их объяснениям, имеют своим основанием именно тексты белорусских авторов, которые далеко не всегда (по нашим данным, только в 40 % случаев) дополняются общением с белорусскоязычными друзьями. Поэтому в сложившейся ситуации именно ВР имеет в регионе высокий престиж, о его чистоте и правильности употребления постоянно заботятся, а в печати и других средствах массовой информации постоянно появляются высказывания о его эффективности и красоте. Горожане Полотчины, белорусы в том числе, искренне стремятся хорошо овладеть данным языком и разделяют мнение о его высоких достоинствах и необходимости знать его досконально.

Вместе с тем коммуниканты-белорусы, несмотря на их в высшей степени хорошее отношение к ВР, почитание его за свой родной язык, вынуждены, тем не менее, в той или иной степени соотносить его, т.е. русский, с весьма схожими, но все-таки во многих отношениях отличающимися вариантами так называемого белорусского низкого, упорно продолжающего свое существование в форме разнообразных вариантов, огульно называемых трасинкой. Данное соотнесение, вероятно, является причиной многих достаточно систематических отклонений от кодифицированных норм русского языка в говорении белорусов, особенно в области фонетики (сегментной и просодической) и морфологии или, точнее, морфонологии, а также дисfluэнтности, которые радикально маркируют аутентичное вербальное поведение белорусских коммуникантов, так или иначе, соотнося его с тем или иным вариантом реально существующего белорусского низкого. В значительном количестве случаев весьма трудно провести разграничение между некоторыми вариантами полоцкого русского и полоцкими вариантами белорусского.

Соотнесение с белорусским высоким для подавляющего числа белорусов крайне затруднено в силу невладения данным языком и весьма лимитированного доступа к нему. Казалось бы, положение белорусского В на Полотчине весьма проблематично. В отношении к нему не прослеживается ни того повсеместного эксплицитного уважения, который имеет ВР, ни той поддержки со стороны образования, общественно-политической и производственной жизни страны. Тем не менее, как показывают полученные

нами данные, в настоящее время нельзя все-таки сказать, что он совсем не используется в регионе ни одним его представителем ни в каком секторе своей жизнедеятельности, т.е. ни в одном из важнейших ее домейнов, особенно в повседневном, обиходном общении дома, что, по глубокому убеждению Фергюсона, считается основной чертой высокого языка. Таким образом, нельзя поставить знак равенства между высоким белорусским языком и латынью, классическим примером высокого языка для ряда культур, посчитав БВ чем-то вроде латыни белорусского мира. Принимая во внимание, что именно высокий вариант символизирует историческую идентичность и соотносимые с ней ценности, мы вынуждены признать, что в современной ситуации каждый раз, когда коммуниканты предпочитают осуществлять свое коммуникативное поведение на белорусском языке, они выступают с весьма однозначным заявлением о своей идентичности. Говорение на хорошем белорусском языке сейчас на Полотчине действительно представляет собой знаменательный акт, достаточно заметное для окружающих действие. И как свидетельствуют приведенные в таблице данные, мужчины и женщины могут совершать такие акты или выступать с заявлениями о своей идентичности по-разному. По нашим данным, полученным на основании информации о самоидентификации языка своего общения, на Полотчине прослеживаются следующие варианты использования белорусского языка как средства общения:

1) только белорусский или моновариант, фиксирующийся в поведении минимальной группы коммуникантов, которые настаивают на сохранении своей языковой и культурной идентичности, прибегая к белорусскому языку как единственному средству общения, отвергая любые интрузии других языков в их манеру или стиль бытия. Данный вариант может быть интерпретирован как достаточно вiolентный (*violent*), т.е. насильственный метод реализации своей культурной идентичности. В городском пространстве Полотчины на данном этапе его развития такой монолигвизм более соотносится с мужским поведением;

2) коммуникативно полноценный билингвизм, значительно более многочисленный, чем первый, но все же редкий вариант, манифестирующий, помимо знания своего родного языка, уважение к коммуникативным потребностям своих партнеров и, как правило, выбирающий тот язык, который известен обеим сторонам интерактивного процесса. Женщины превалируют в данной группе, но мужчины также составляют заметную ее часть;

3) отдельную группу составляют коммуниканты, которые, будучи не в состоянии говорить на белорусском языке, в той или иной мере использует его в других, более пассивных видах деятельности, например, в чтении, слушании радиопередач. Представители данной группы, таким образом, не игнорируют полностью данный язык, но выражают уважение к нему, пытаются использовать его для получения доступа к важным для них смыслам.

Значительную группу образуют коммуниканты, использующие в ограниченном количестве домейнов тот или иной региональный вариант высокого белорусского.

Выводы. Можно утверждать, что весьма важные разновидности фемининности и маскулинности конструируются в языковом пространстве Полотчины в зависимости от того, как коммуниканты ведут себя в моно и билингвистических ситуациях, т.е. какой язык или языки они используют в интерактивном процессе, как они относятся к русскому языку или белорусскому, на каком языке или вариантах какого языка выражают свою солидарность, осуществляют свое коммуникативное поведение, какой язык может оказаться объектом их критики. В своей совокупности используемые ими варианты создают весьма разнообразную картину сосуществования языковых вариантов, требующих дальнейшего специального изучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Есперсен, О. Философия грамматики / О. Есперсен. – М.: URSS, 2006. – 404 с.
2. Saussure, F. de. Course in general Linguistics / F. de Saussure. – L.: Peter Owen, 1964. – 240 p.
3. Chomsky, N. Knowledge of Language / N. Chomsky. – N.Y.: Praeger, 1986. – 296 p.
4. Downes, W. Language and Society / W. Downes. – Cambridge University Press, 1998. – 503 p.
5. Labov, W. Sociolinguistic Patterns / W. Labov. – Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1972. – 284 p.
6. Fishman, J. The Relationship Between Micro-and Macro-sociolinguistics in the Study of who Speaks what Language to whom and when / J. Fishman // Sociolinguistics/Eds Pride J. and Holmes J. – Harmondsworth: Penguin Books, 1972. – P. 116 – 138.
7. Mougeon, R. Linguistic Consequences of Language Contact and Restriction / R. Mougeon, E. Beniak. – Oxford: Clarendon Press, 1991. – 384 p.
8. Dorian, N. Grammatical Change in a Dying Dialect/N. Dorian // Language. – 1973. – № 49. – P. 413 – 438.
9. Harrison, K.D. When Languages Die / K.D. Harrison. – Oxford: Oxford University Press, 2007. – 304 p.
10. Траханкина, Т.А. Языковая ситуация в промышленном городе Беларуси (Новополоцк): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Т.А. Траханкина; Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2002. – 20 с.
11. Ferguson, C. Diglossia / C. Ferguson // Word. – 1959. – № 15. – P. 325 – 340.
12. Ferguson, C. The Role of Arabic in Ethiopia, a Sociolinguistic Perspective / C. Ferguson // Sociolinguistics / eds Pride J., Holmes J. – Harmondsworth: Penguin Books, 1972. – P. 90 – 120.

Поступила 27.03.2009